

Лев Николаевич Гумилев

Сказание о хазарской дани

Опыт критического комментария летописного сюжета

Нарративные источники, в том числе хроники всех народов, относятся в равной степени к литературоведению и истории. В отношении «Повести временных лет» это исчерпывающе доказал Д.С.Лихачев, установивший, что целый ряд летописных рассказов не отражают исторической действительности, а являются либо заимствованиями из других хроник, либо домыслами летописца.^[1] Эти наблюдения не снижают художественной ценности летописи как литературного памятника, но заставляют настороженно отнестись к попыткам буквального понимания отдельных фрагментов, что ведет не только к искажению исторической действительности, но и к неадекватному восприятию смысла литературного произведения.

Эта постановка вопроса не нова. Многие сказания, начиная с легенды о призвании варягов, подвергнуты детальной исторической критике, позволившей либо установить истину, либо отказаться от заведомых вымыслов как от явно вставных новелл. Но хазарская проблема еще ждет комментатора, потому что новые исторические^[2] и археологические исследования^[3] настолько изменили представления о Хазарии, бытовавшие тридцать лет тому назад, что появилась возможность уточнений, чему и посвящена данная работа.

Интересующий нас рассказ краток. После смерти Кия, Щека и Хорива и до 852 г. (хронология сверхприближенная) хазары потребовали с полян дань, которую те заплатили мечами. Ниже идет дидактика. Хазарские старцы усмотрели в этом плохое предзнаменование, так как их оружие — сабля — имеет одно острие, а меч — два. Поэтому они решили, что поляне будут брать дань с них и других народов, и это будто бы так и произошло (I, 16).

Наша задача выяснить, было ли это, и если да — то когда и так ли было, как сказано, и если не так, то почему так написано, т. е. ради кого или чего введено искажение прошлого.

Ответив на эти вопросы, мы сможем установить, какая часть сообщения несет информацию для истории, а какая является дидактикой, т. е. литературой.

Дань мечами могла иметь только один смысл: у полян было изъято оружие. Для владеющих саблями мечи — железный лом, так как сабля легка, не утомляет руку и прорезает кольчугу. Но сабля требует специальной выучки бойца, неизмеримо большей, нежели меч. У хазар в IX веке сабли действительно были. Автор этих строк извлек одну из них из могилы в дельте Волги.^[4] Следовательно, не обогащение за счет полян было целью хазар, а лишение тех военного потенциала. Но такая акция возможна только в результате победоносной войны, о которой летописец не проронил ни слова. Когда же была эта война или, точнее, когда она могла быть?^[5] Так мы переходим к хронологии.

Начнем с обратного: когда этой войны быть не могло, т. е. с VII века, когда Хазария создавалась как самостоятельное государство.

Мнение, что хазары были пришлыми из Азии кочевниками, оказалось ошибочным. Археологическими работами Северокаспийской палеогеографической экспедиции Ленинградского университета 1962–1963 гг. обнаружены могильники и следы поселений хазар.^[6] Все они располагаются по долинам рек, имевших в III–IX веках огромные дельты, так как уровень Каспия стоял на 6–8 м ниже современного.^[7] Тогда были свободны от воды огромные плодородные земли — «прикаспийские Нидерланды», изобилующие рыбой,

виноградом, заливными лугами и прибрежными лесами. Именно там обитали древние хазары, аборигены этого роскошного края. И летописец правильно сопоставляет хазар со скифами (I, 14), которых его источник Георгий Амартол отождествлял с древним, досарматским населением южной части Восточной Европы (II, 223). В то время, когда степные водораздельные пространства захватывались последовательно сарматами в III веке до н. э., гуннами в IV веке, болгарами в V веке, аvaraми в VI веке, мадьярами в 822–836 гг. и печенегами в 889–895 гг., хазары спокойно жили в своих прибрежных джунглях, недоступных для кочевников, с которыми они всегда враждовали. Исключением из этого правила стали только тюрккюты Западного каганата (604–660), потому что они не переселялись в Прикаспий из Семиречья, а только присоединили его к своей державе.^[8]

В междоусобицах, которые разорвали и погубили Западный каганат, хазары принимали участие, поддерживая одну из партий. Когда же она была побеждена, они приняли к себе убежавшего царевича и, поставив его хаганом, создали в 650 г. собственную независимую державу.^[9] Хан и его двор, по привычке, летом кочевали, что впоследствии создало ложное мнение, будто кочевниками были все хазары.^[10]

Другая абберрация — это мнение, что хазары были обращены в иудейскую веру. В Средние века это было невозможно, ибо иудаизм — культ генотеистический, а не прозелитический, и редкие новообращенные считались «проказой Израиля».^[11]

На самом деле было вот что. В начале VI века в Иране вельможа Маздак, арестовав шаха Кавада, попытался провести уравнивание имущества, включая жен. Эта революция сверху вызвала отчаянное сопротивление и всколыхнула все группы населения, в том числе евреев, которых в Иране было больше, чем где-либо. Вавилонская община разделилась на противников и сторонников маздакидов. Первые вынуждены были бежать в Византию, а вторые оказались в числе гонимых после 530 г., когда Маздак был повешен.^[12] Уцелевшие маздакиты бежали на Кавказ, и тогда на широкой равнине между Сулаком и Тереком появилась группа иудеев, соблюдавших субботу и обрезание, но забывших все прочие законы. Они мирно соседствовали с хазарами и ходили вместе с ними в походы. В VIII веке один из храбрых евреев, Булан, за совершенные им подвиги достиг должности военачальника и восстановил еврейские обряды. В переводе сочинения Иехуды бен Барзилая, еврейского автора XI века, это сообщение переведено так: «Хазары стали прозелитами и имели царей прозелитов (иудаизма)».^[13] Однако С.Шишман указывает, что слово *гег* в Библии означает чужеземца, инкорпорированного другим народом и получившего права члена племени, которое его приютило.^[14] Значение «прозелит» это слово приобрело позже. Судя по общему ходу событий, древнее значение в данном случае предпочтительнее, ибо Булан принял не рабинизм, а караизм.^[15]

Симбиоз евреев с хазарами создал благоприятные условия для иммиграции в Хазарию византийских евреев рабинистов во время гонений на них при Ираклии в 628–629 гг., за расправы их над греками во время персидской оккупации Сирии и Египта, и при Льве II Исавре в 723 г., за сотрудничество с арабами, вторгавшимися в Малую Азию. В Хазарии евреи нашли приют и разбогатели, участвуя в транзитной торговле, ибо Итиль лежал на пути из Китая в Прованс.^[16] Обе группы евреев часто вступали в браки с хазарами. Вот тут-то и скрывается причина дальнейшего. Хазары, как все евразийские племена, вели счет родства по отцу, а евреи — по матери. Поэтому сын хазарина и еврейки сохранял все права хазарского рода и мог быть принят в общину, а сын еврея и хазарки был чужим и для тех и для других. Вторые составили маленькую общину крымских караимов, антропологические черты коих совмещают тюркский и ближневосточный типы,^[17] а первые создали хазарскую иудейскую общину, включившую в себя тюркскую династию и в 20-х гг. IX века захватившую власть в Хазарии.^[18]

Тогда резко сменилась политика Хазарии. Вместо традиционной войны с арабами, державшими Дербент, возник натиск на запад, т. е. на Византию, но еще не на Русь.

Между Киевом и Нижней Волгой в IX веке кочевали мадьяры. Только в 834 г. хазарами был сооружен Саркел, опорная крепость против «западных врагов».^[19] Но Русь была в то время сильным каганатом, т. е. суверенной державой. Так ее характеризовали послы «кагана Руси», опознанные в Ингельгейме при дворе Людовика Благочестивого в 839 году. То же самое писали Ибн Русте, Гардизи, анонимный автор «Худуд ал-'алам» и константинопольский патриарх Фотий. В письме Василию Македонянину Людовик Немецкий в 871 г. называет четырех «каганов»: аварского (т. е. венгерского), норманнского (т. е. русского), хазарского и болгарского.^[20] Ни о каком подданстве Киева Хазарии не может быть и речи. Русы, совершив в 860 г. победоносный поход на Константинополь, заключают с Византией почетный мир и частично принимают православие. Этот поход подробно описан в византийских хрониках,^[21] а в летописи неверно датирован 866 годом (критику текста см.: II, 247). «Повесть временных лет» при описании событий IX-X веков допускает хронологические неточности, что указано комментатором Д.С.Лихачевым. Однако он не подвергает сомнению ни захват Киева Олегом в 882 г., ни последующего подчинения древлян в 883-м, северян в 884-м и радимичей в 885 г., причем последние, по летописи, ранее платили дань хазарам. Пусть так, но могло ли это не вызвать войны с Хазарией? А между тем летопись о хазарах замолкает до 965 г.,^[22] на целые 80 лет. Это одно наводит на мысль, что здесь либо сделан сознательный пропуск, либо даты событий переставлены отнюдь не случайно. Поэтому отвлечемся от «Повести временных лет» и попробуем восстановить ход событий по мусульманским сведениям. Но для этого придется учесть события в северном Иране, имеющие, как это ни странно, отношение к нашей теме.

В 900 г. Исмаил Самани разгромил шиитское государство Алидов в южном Прикаспии. Но местное население Гиляна, Дейлема и Мазандерана, никогда не подчинявшееся чужеземцам, будь то персы, македоняне или арабы, укрылось в горных замках, и власть Саманидов была призрачной. До тех пор пока дейлемитов с юга прикрывали горы Эльбурса, а с севера Каспийское море, они могли держаться. Но в 909 г. на море появились русские ладьи, разгромившие остров Абаскун. На следующий год русы напали на Мазандеран, но потерпели поражение и ушли. В 913 г. огромный флот русов — 500 кораблей — с разрешения хазарского царя Вениамина^[23] вошел в Каспийское море и подверг грабежу побережья Гиляна, Табаристана и Ширвана. Набрав много добычи, русы вернулись в Итиль, послали хазарскому царю условленную долю и остановились на отдых. Тогда мусульманская гвардия хазарского царя потребовала от него разрешения отомстить русам за кровь мусульман и за полон женщин и детей. Царь разрешил, и в трехдневной битве утомленные походом русы потерпели поражение. Остатки их бежали по Волге на север, но были истреблены буртасами и булгарами.^[24]

Это событие не нашло отражения в «Повести временных лет», где зато подробно описано, как змея укусила Олега. Очевидно, здесь имеет место «фигура умолчания», прием, для литературных произведений обычный, но для исторических недопустимый. А так как этот факт имеет прямое касательство к нашей теме, то придется уделить ему внимание.

М.И.Артамонов полагает, что этот поход был организован «на свой риск и страх варяжско-русской дружиной, нанятой для войны с Византией и отпущенной киевским князем после того, как надобность в ней миновала».^[25] Его версия не объясняет, почему хазары пропустили разбойников в страны, с которыми они торговали. Несколько ниже он сам опровергает ее в полемике с Н.Я.Половым, считавшим хазарские и мусульманские интересы непримиримыми.^[26] М.И.Артамонов справедливо указывает, «что транзитная торговля с прикаспийскими странами являлась основой благосостояния хазарского правительства IX-X веков, но оно вовсе не было

заинтересовано в ее нарушении даже на короткое время».^[27] Поэтому он полагает, что хазары пропускали русов в Каспий только потому, что не могли им воспрепятствовать. Однако, как видно из столкновения у Итиля, хазары такими силами располагали, и, следовательно, дело в другом.

Вспомним, что Прикаспий был захвачен Исмаилом Самани, союзником Хазарии, но власть его, видимо, была нетвердой. Дейлемиты сидели в Эльбурсе, как в окруженной крепости. Для полной ликвидации их сопротивления было необходимо блокировать побережье, а ни Саманиды, ни хазары не располагали флотом.^[28] Именно тогда появились русские корабли. Естественно предположить, что их просто пригласил царь Вениамин для расправы с разбойниками-горцами.^[29] Русы сразились с гилянцами и дейлемитами, видимо, без больших успехов, а затем напали на Ширван и Баку, где сидели Саджиды, правители, поставленные халифом, сунниты и, следовательно, друзья хазар. Эта неуместная инициатива и вызвала расправу со стороны хазарских мусульман, тем более что разгром врагов Дейлема настолько облегчил положение шиитов, что в 913 г. они освободились от власти Саманидов и вытеснили последних из Гиляна и Табаристана.^[30]

Сведения Масуди, писавшего в 943 г., отчасти восполняют пробел Нестора и объясняют причину его молчания. После первых побед Олега в 883–885 гг. успех покинул варяжского узурпатора. В каспийском походе варяго-русское войско выглядит неполноправным союзником Хазарии. И предательство, допущенное царем Вениамином, осталось безнаказанным. Поводы для восхваления «вещего» Олега меркнут. Это подметил еще С.М.Соловьев, хотя он и не располагал сведениями, ныне вошедшими в арсенал науки. Олег рассматривается им не как храбрый воитель, а как хитрый политик и сборщик дани с незащищенных славянских племен.^[31] Так оно и было. И в наследство Игорю, если летописная хронология верна, он оставил не могучее государство, а зону влияния Хазарского каганата.

Каспийская неудача больно ударила по Руси. В 913 г. вспыхнуло восстание древлян, подавленное в 914 г., а в 915 г. печенеги произвели набег на Русь. Все это показывает, что варяжское правительство не только не привело киевский каганат к славе, но утратило много земель из сферы влияния Киева, хотя летописец стремится создать обратное впечатление. Но не будем спешить с выводами и заглянем вперед.

То, что война Хазарии с Русью шла в пятидесятых годах X века, определенно сообщает письмо царя Иосифа к Хасдаи ибн Шафрута, написанное еще до 960 г.: «Я (сам) живу у входа в реку и не пускаю Русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним (мусульманам. — Л.Г.). Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я их оставил (в покое), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада».^[32]

Этот текст характеризует эпоху, когда киевское правительство Ольги и Святослава сумело заключить союзы с торками и печенегами для совместной войны с Хазарией. К нашему сюжету эти факты относятся косвенно, показывая, насколько неполны данные летописца. И опять-таки тут не просто оплошность. Наоборот, выпущены данные, которые были бы крайне важны для понимания эпохи. Зачем?

Царь Иосиф описывает эпоху не суммарно. В 941–943 гг., пока Русь вела войны с Византией, он пропускал русские корабли грабить Арран (Азербайджан), захваченный в 914 г. вождем дейлемитов Марзубаном бен Мухаммадом, шиитом и врагом союзного с Хазарией Ширвана.^[33] Видимо, русские войска использовались Иосифом не только против Византии, но и против тех мусульманских разбойничьих династий, которые мешали еврейско-арабской торговле и союзу хагана с халифом.

Но остается непонятным, когда и при каких условиях он сумел подчинить себе русских князей до такой степени, что они превратились в его подручников и слуг, ^[34] отдававших жизнь за чуждые им интересы. Ведь именно такое покорение может отвечать ситуации, описанной в «Повести временных лет» (I, 16). Видимо, это произошло до 941 года. И тут нам приходит на помощь «Кембриджский аноним» — «Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века». ^[35]

Предпошлем цитате из еврейского документа цитату из арабской географии того же времени. Масуди пишет о Хазарии: «Царь принял иудейство во время правления халифа Харун ар-Рашида... (768–814). Ряд евреев примкнул к нему из других мусульманских стран и из Византийской империи. Причина в том, что император, правящий ныне (в 943 г. — Л.Г.)... и носящий имя Арманус (Роман), обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар...». ^[36]

Заметим это и перейдем к еврейскому варианту.

Автор письма называет себя приближенным царя Иосифа. Он описывает войну, которую вел царь Вениамин в IX веке против асов (осетин), турок (мадьяр), пайнилов (печенегов) и македонян (византийцев). Вениамин победил коалицию противников при помощи алан. Затем царь Аарон победил алан при помощи торков (гузов) в начале X века. М.И.Артамонов датирует это событие 932 годом и связывает с ним гонение на христианство, от которого Аарон принудил отречься побежденных алан. Затем идет описание войны, которую выиграл царь Иосиф. Это та самая война, которую мы ищем. Она имеет хорошую датировку: «...когда было гонение (на иудеев) во дни злодея Романа (Роман Лекапин, 919–944. — Л.Г.). [И когда стало известно это] дел [о] моему господину, он ниспроверг (т. е. убил. — Л.Г.) множество необрезанных. А Роман [злодей послал] также большие дары X-л-гу, царю Руси, и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пришел он ночью к городу С-м-к-раю (Тмутаракань. — Л.Г.) и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная. И стало это известно Булш-ци, то есть досточтимому Песаху, и пошел он в гневе на города Романа и избил мужчин и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов. И оттуда он пошел на (город) Шуршун (Херсонес. — Л.Г.)... и воевал из них 90 человек... Но он заставил их платить дань. И спас... от руки Русов и [поразил] всех оказавшихся из них (там) и [умертвил ме]чом. И оттуда пошел он войною на X-л-гу и воевал... месяцев, и бог подчинил его Песаху. И нашел он... добычу, которую тот захватил из С-м-к-рая. И говорит он (X-л-гу. — Л.Г.): «Роман подбил меня на это». И сказал ему Лесах: «если так, то иди на Романа и воюй с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или (же) буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя». И пошел тот против воли и воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали Русы подчинены власти казар». ^[37]

Ну вот и искомая война, датируемая 939–941 гг., ^[38] после которой были два неудачных похода Игоря на Византию в 941 и 943 гг., и разрешенный хазарами набег русов на Берда'а (Арран) ^[39] в 943–944 годах. Последний набег, видимо, совершился именно в то время, когда поляне стали данниками хазар. Это подтверждается тем, что в 945 г. Игорь был вынужден собрать с древлян двойную дань, без участия большей части своей дружины. За это он заплатил жизнью, но нельзя считать его поступок легкомысленным: дружину надо было оплачивать, и при таких расходах было невозможно собрать дань для победивших хазар, что грозило возобновлением войны тогда, когда поляне уже остались без мечей. Игорь рискнул и погиб. ^[40]

Теперь история русско-хазарских взаимоотношений начинает проясняться. До выхода хазар

на рубеж Дона и постройки Саркела в 834 г. столкновений Руси и Хазарии не было. Вопреки версии летописца в Киеве IX века процветал русский каганат, ведущий традицию, по-видимому, от племени россомонов IV века.^[41] Это было переселившееся вместе с готами в середине II века н. э. скандинавское племя, судя по уцелевшему имени первой прославившейся русской женщины — Сунильды, которую готский король Германарих за супружескую измену велел привязать к хвосту дикого коня.^[42] Впоследствии это племя смешалось со славянами, и потомки тех и других стали называться полянами: «поляне, яже ныне зовомая Русь» (II, 240)^[43]

Созданный полянами киевский каганат еще в 860 г. жил в мире с хазарами. Это видно из того, что миссия св. Кирилла к хазарам проходила в мирной обстановке.^[44] Это говорит не о миролюбии хазарского правительства, а скорее о могуществе Киева, нападение на который не сулило ничего доброго. Масуди упоминает о сильном царстве «валинана» (волынiane), где правит «Дира», видимо предшественник, а не соправитель Аскольда.^[45]

Но все радикально изменилось с появлением варягов, развязавших войну с Хазарией, как повествует автор «Повести временных лет». Далее я следую реконструкции событий, предложенной Б.А. Рыбаковым в «Истории СССР» и являющейся обобщением новейших достижений науки. Как известно, в IX веке земли славян наряду с другими странами Европы подверглись нападению викингов. В 862 или 874 г. конунг Рюрик водворился в Новгороде, а в 882 г. конунг Олег — в Киеве. Аскольда Б.А.Рыбаков считает «последним представителем династии Кия». После похода на Византию в 911 г. Олег, «которому совершенно неосновательно приписывается создание Русского государства, бесследно исчез». Родственные же связи Игоря и Рюрика «придуманы потом, когда летописцы стремились соединить в одно целое киевский и новгородский варианты рассказа о начале Руси».^[46]

Итак, в начале X века на Руси произошел антинорманнский переворот и смена варяжской династии на славянскую. Против такой концепции возражений не возникает, но потом появляются некоторые сложности, связанные с нашим сюжетом.

Ингер — имя скандинавское. Конечно, его мог носить и славянин, родители которого дружили с норманнами. Однако вспомним, что в 30-х гг. X века князем Руси назван Х-л-гу, т. е. Олег, а не Игорь. Этот Олег не мог быть летописным «вещим» Олегом, так как тот умер в 912 году. Он мог быть либо его тезкой, но не князем Руси, либо это было прозвище Игоря — Хельги Ингер-Игорь Младший, либо это просто титул — святой («хельги» — шведск.). Но вопрос упирается в другое: был ли этот Игорь сыном Рюрика и сподвижником Олега при захвате Киева в 882 году?

Д.С.Лихачев отмечает странный оборот речи: Олег... «и придоша къ горамъ хъ киевскимъ» (I, 20). Он содержит двойственное число, а не единственное или множественное. И Д.С.Лихачев дает объяснение: «Составитель «Повести временных лет» переделал рассказ предшествующего Начального свода: Олег у него князь, а не воевода... след старого текста, где поход предводительствуется двумя — Игорем и Олегом, сохранился в этом употребленном здесь двойственном числе» (II, 251).

Затем в уже цитированном нами «Кембриджском анониме» указаны враги хазар: «Асия (асы-осетины. — Л.Г.), Баб-ал-Абваб (Дербент. — Л.Г.), Зибус (Зибух; Зихи, черкесы, жившие на побережье Черного моря. — Л.Г.), турки (здесь венгры. — Л.Г.), Луз-ния», под которыми академик Френ понимает «ладожан», т. е. варяжские дружины Хельгу и Игоря.^[47]

Так как время описываемых в письме событий четко датируется концом 30-х гг. X века, то, видимо, придется отнести летописного Игоря к варяжским конунгам, а не к славянским князьям, а дату «славянского переворота» несколько отсрочить.^[48] Но последовательность событий именно такова, что будет видно, если мы от толкования текста перейдем к изучению

панорамы событий. Этот подход дает необходимые коррективы.

В том, что летописец отразил древнюю историю Руси неадекватно и факты учел выборочно, мы уже убедились. Но он дал уязвимую концепцию. В 879 г. на престол Руси вступил Игорь «детеск вельми». Допустим, что ему было два года: значит его год рождения — 877 или, может быть, ранее, но не позже. В 903 г. он женился на Ольге; той было по летописи 10 лет (1, 262). В 942 г. у Игоря и Ольги родился первенец — Святослав. Игорю минимум 65 лет, Ольге — 50 лет. Не странно ли?

Очевидно, принимать данные летописи следует не буквально. Вероятнее считать, что 65-летнее «царствование Игоря Рюрикови-ча Старого» — это определенный период господства норманнской династии конунгов, которая потерпела полное поражение в войнах и с иудейской Хазарией, и с христианской Византией, и с мусульманской державой Марзубана бен Мухаммада (Мусафарида)^[49] в Арране. Все эти неудачи не могли не разочаровать славян в способностях их западных соседей, и поэтому после 945 г. мы видим на золотом столе киевского князя со славянским именем — Святослав. То, что псковитянка Ольга приходилась ему родной матерью, несомненно, но был ли он действительно «Игоревич», — крайне сомнительно. Если же отчество его правильно, то этот Игорь был тезкой Игоря Рюриковича, соратника Олега, если тот действительно существовал.

Со сменой династии сменилась и внешняя политика Киевской Руси. Правительство Ольги и Святослава заключило военные союзы с Византией, печенегами и торками,^[50] ликвидировало сопротивление вятичей и в 965 г. завершило освободительную войну разгромом Итиля, взятием Семендера и перестройкой хазарского Саркела в русскую Белую Вежу.

Теперь вернемся к летописному тексту о хазарской дани и посмотрим, что в нем правильно, а что искажено. То, что поляне по смерти Кия «быша обидимы древлями и иными окопными» (1, 16), вымысел, направленный на то, чтобы приписать величие Киева варяжским конунгам.

Сам факт выдачи мечей победившим хазарам похож на правду, несмотря на искаженную датировку. Может возникнуть сомнение из-за того, что Песах потребовал, чтобы поляне или русы шли воевать против греков без мечей, — это бессмысленно. Но Песах и не был заинтересован в успехе похода; то, что русичи отбивались копьями от греческого огня, его устраивало.

Однако заключительная сентенция («си имуть имати дань на насъ...» -1,16) — чистая демагогия. В начале XII века, когда игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр составлял «Повесть временных лет», русская земля даже не граничила с Хазарией. Хотя удачная война Владимира Мономаха с половцами отодвинула границы Руси к Дону, но за Доном жили «дикие» половцы, отделявшие Русь от Хазарии. К XII веку Хазария, лишенная иудейской общины, превратилась в маленькое мусульманское княжество со столицей в городе Саксине, в дельте Волги.

Местоположение Саксина долгое время было не установлено,^[51] но теперь это возможно сделать путем сопоставления данных новоизданных источников и археологических исследований в дельте Волги. В 1132 г. Саксин посетил арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати и оставил его описание.^[52] Саксин лежит на огромной реке, «больше Тигра». В нем живут «сорок племен гузов» (сорок — условное число). У них большие дворы и шатры, есть две мечети, а зимние дома из бревен сосны под кровлями из досок; у города большая река, а рядом «тысяча рек». Это дельта Волги, а в ней есть только одно место, удовлетворяющее описанию Ал-Гарнати, — село Семибугры, на протоке Табола.^[53] Деревянные и войлочные жилища, естественно, не сохранились, но характер и обилие керамики, а также описание рельефа совпадают с сообщениями арабского географа.

Саксин был взят монголами в 1229 г., и остатки его населения убежали на север. Подъем уровня Каспийского моря в XIII веке на время прекратил жизнь в дельте Волги, где бэровские бугры превратились в архипелаг и стали необитаемы.^[54] В XII–XIII веках русские ни разу не сталкивались с хазарами. Следовательно, сентенция летописца не может быть принята не только буквально, но и образно. И, однако, она для чего-то введена в текст. Вот еще одна загадка!

Но, может быть, это высказывание относится к хазарам-христианам, окрещенным в 860 г. св. Кириллом и упоминаемым в «Повести временных лет» (1, 39)? Их потомки живут до сих пор около развалин древнего Семендера^[55] и назывались — «гребенские казаки». Часть их распространилась в IX веке на Нижний Дон, принесла туда культуру кавказского винограда^[56] и в XII–XIII веках стала известна под названием «бродники».^[57] Может быть, эти потомки хазар платили в 1113–1118 гг. дань Киеву? Нет, не платили, ибо в 1117 г. «придоша Беловежци в Русь» (1, 202), т. е. русские очистили левый берег Дона, в том числе его пойму, сохранив за собой гегемонию в степи между Доном и Карпатами. И, кроме того, культурный комплекс Белой Вежи был связан с черниговским левобережьем Поднепровья, а не с Киевом, как определил М.И.Артамонов во время раскопок Саркела.

Итак, летописец налгал; остается объяснить: для чего и зачем? Переберемся из X в XII век — эпоху, когда были составлены оба дошедших до нас текста. К счастью, «Историко-литературный очерк» Д.С.Лихачева (II, 5-148) содержит все данные, которые для нашего анализа необходимы и достаточны. Так как поводов для диспута в статье Д.С.Лихачева не имеется, то мы будем базироваться на его выводах. Отметим те, которые важны для нашей темы.

Изданный текст летописи — это третья редакция летописного свода, включающая «разновременные куски» (II, 42). В них отразилась политическая и идеологическая борьба, раздиравшая Киевскую Русь XI века. Обобщенно она выглядела так, разумеется — в схеме: тогда было три направления политических и два церковных, на фоне двух территориальных (племенных) славянских объединений и двух кочевых союзов.

С «западническим» направлением связали свою судьбу великие князья Изяслав Ярославич и Святополк II Изяславич; с «византийским» — Всеволод Ярославич, Владимир Мономах и его сын Мстислав Великий; с «национальным» — Святослав Ярославич, Олег Святославич и его дети.

В церковной политике: киевскому митрополиту — греку противостоял Киево-Печерский монастырь, предшественника коего Д.С.Лихачев видит в митрополите Иларионе, заявившем, что «русские — это новый народ, пришедший на смену старым (в том числе и грекам)» (II, 73). Константинопольская патриархия решительно отказалась утвердить Илариона митрополитом; в Софии сели митрополиты — греки, а Киево-Печерский монастырь — центр русского летописания — занял самостоятельную позицию.

Древняя вражда полян и северян переоформилась в соперничество Киева и Переяславля с Черниговом, т. е. Северной землей. Племенная война половцев (куманов) с торками (гузами) заставила тех и других искать союзников. Половцы подружились с Черниговом, торки — с Киевом, вследствие чего киевская летопись постоянно клеймит половцев и молчит о торках.^[58]

Киево-Печерский монастырь оформился в 1060–1061 гг. (II, 84), но после конфликта с Изяславом первый известный летописец Никон бежал в Тмутаракань. В 1068 г. монахи Лавры поддержали восстание против Изяслава. После подавления Антоний бежал в Чернигов. Но уже в 1073 г. монастырь выступил против Святослава и Всеволода, т. е. в пользу изгнанного Изяслава (II, 85). Видимо, политические симпатии монастыря сменились. С того времени монастырь занимает независимую позицию: Никон составил «антикняжеский свод» (II, 102), где он

обвиняет князей в «несытстве» и в небрежении к старым дружинникам, например Яну Вышатичу (II, 99). Но в 1098 г. Святополк II поддержал антигреческую позицию монастыря и примирился с ним (II, 102). В последующее десятилетие была создана Нестором «Повесть временных лет», оконченная в 1113 году (II, 102).

Легко догадаться, что союз монастыря с князем был выгоден обоюднo, и не случайно, что Нестерова редакция «Повести временных лет» направлена не только против греков и грекофилов, но и против Олега Черниговского, друга половецких ханов. Следовательно, идеологическая ориентация должна была идти на Запад. Однако там шла борьба папы Григория VII с императором Генрихом IV, дружившим с Алексеем Комнином и женатом на Евпраксии Всеволодовне, сестре Владимира Мономаха. Поэтому антигреческий летописец переносит свои симпатии в прошлое и на север, где были друзья Святополка Изяславича. Датский король Эрик I Добрый (ок. 1095–1103) накануне вступления на престол посетил Святополка в Киеве.^[59] Не это ли было толчком к созданию «норманнской теории» — легенды, которая «складывалась постепенно и искусственно» (II, 113) и питалась не столько научным прозрением, сколько презрением к грекам и ненавистью к половцам, союзникам Олега Черниговского, правоты которого Нестор не желал заметить?

Обстоятельства благоприятствовали развитию западнических, т. е. германофильских, настроений в Киеве. В 1093 г. Евпраксия Всеволодовна, или императрица Адельгейда, сбежала от мужа к графине Матильде в Каноссу. Здесь она сделала разоблачение мужа, рассказав о том, что он принуждал ее к участию в оргиастических мистериях сатанинского культа николаитов. Папа Урбан оказал беглой императрице покровительство и помог ей пробраться на Русь, где она постриглась и умерла в монастыре в 1109 году. Компрометация императора переяславской княжной повела к тому, что Генрих попытался сблизиться с Киевом, Греческая церковь, крайне принципиальная в вопросах канона, осудила браки с католиками. Митрополит Иоанн даже грозил Всеволоду I отлучением. Но Святополку такая непреклонность политического противника была на руку. Он разрешил принять на вооружение антигреческий и, следовательно, проваряжский вариант древней истории Руси (II, 112–114).

Так же оказались смазаны или замалчивались русско-венгерские, русско-печенежские и русско-торкские союзы, хотя только благодаря им Русь вышла победительницей после напряженной войны с Хазарией. Восстановленный нами ход истории показывает, что именно варяжские князья потерпели от Хазарского каганата поражение, чуть было не приведшее Русь к гибели. Летописец Нестор об этой странице истории умолчал. Видимо, одобрение союзов с кочевниками в те годы, когда Святополк терпел от половцев жестокие поражения, не представлялось автору летописи ни актуальным, ни конструктивным. А между тем незаинтересованный добросовестный арабский географ Масуди сообщает, что «русь и славяне составляют войско и прислугу хазарского царя».^[60] Но приписать победу в освободительной войне 965 г. союзу славян с печенегами значило реабилитировать друга кочевников Олега Свято-славича, а отметить помощь Византии — подыграть Владимиру Всеволодовичу Мономаху. То и другое для Святополка Изяславича было нежелательно.

Апология трех поколений викингов и попытка приписать им победу над греками, одержанную еще до «признания» Рюрика, в 860 г., были политикой далекого прицела, которая могла дать плоды лишь тогда, когда летопись была кончена, переписана, прочтена и усвоена. Святополку же были нужны деньги, как всякому непопулярному правителю. Он применил для получения их средство, заимствованное у феодальных королей Европы, — разрешил пребывание в Киеве еврейской общины, конечно, за большую плату. Нестор, видя это, счел за благо хазарскую проблему в летописи не обострять.

По смерти Святополка киевляне разграбили дома приближенных покойного князя,

ростовщиков-евреев, и собрались напасть на бояр и монастыри. Прибытие Владимира Мономаха, князя весьма популярного, успокоило толпу, но вече, выбравшее Владимира великим князем, собралось не на площади, а в храме св. Софии — твердыне греческого православия.^[61] Это немедленно сказалось на летописании. Владимир Мономах вступил в борьбу с Киево-Печерским монастырем и изъял у него летописание, которое он передал в Выдубицкий монастырь (II, 129). Игумен Сильвестр дважды переработал текст «Повести временных лет», но его правка коснулась главным образом последней части, т. е. княжения Святополка (II, 130). Таким образом, тенденциозные новеллы и искусственная генеалогия, относящиеся к IX-X векам, сохранились. Будучи приняты историками XVIII–XIX веков без малейшей критики, они породили фантастические представления о Древней Руси, якобы возникшей по мановению варяжского меча из дикости неполноценных славяно-финских племен. Весь период киевского (русского) каганата с IV по IX век считался не бывшим.

Жаль, что не сохранилась черниговская летописная традиция. Там вряд ли было все правильно, но не так, а сравнение двух, пусть даже неполноценных версий дает возможность установить истину или хотя бы усомниться во лжи.

Нестор был весьма талантливым писателем. Это означало, что он мог убедить читателя в своей правоте. На нашу беду, защищаемая им концепция истории Руси стала неактуальной после прихода к власти Владимира Мономаха и его потомков. Тогда главными соперниками Мономашичей стали черниговские Ольговичи, и весь гнев киевских летописцев, оберегаемых дикими торками, обрушился на дружественных Чернигову половцев; а о Германии в XII веке позабыли, тем более что силы императоров были поглощены войной с папами. Запад стал для Руси неинтересен.

Это спасло Нестеровы варианты, касающиеся древности, от исправления, ибо это в XII веке стало неактуально. А затем, когда интерес к русской древности возник снова, т. е. в конце XIV века, «Повесть временных лет», прошедшая испытание временем, превратилась в каноническую книгу. И не случайно даже в критический XX век такой тонкий исследователь, как М.И. Артамонов, писал: «Конечно, ни о каком подчинении Руси хазарами в X веке не может быть и речи. Здесь мы имеем совершенно явное извращение действительности, вполне понятное в устах хазарского еврея, стремящегося возвеличить Хазарию».^[62] А то, что при такой точке зрения освободительная война Святослава превращается в грабительский набег и теряет свою героичность и свое значение, — это исключалось в угоду летописным версиям. В.Т. Пашуто осторожнее. Он признает, что «источник... темен, но, быть может, он отражает некоторые реалии».^[63] Однако если мы отказались от «признания варягов», то настало время внести ясность в картину взаимоотношений Хазарии и Руси и сказать словами поэта: «Не раз клонилась под грозой то их, то наша сторона», но победа осталась за Русью.

Итак, детальный комментарий Д.С.Лихачева вскрыл множество натяжек и подтасовок, особенно в хронологии событий. Именно это дало повод автору привлечь историю кочевников в качестве сравнительного материала для более сознательного восприятия смысла летописных рассказов. И тут появилась возможность установить характер взаимодействия истории и элоквенции (изящной словесности) хотя бы в небольшом, но крайне важном эпизоде. Историческая информация в нем присутствует, так как летописцу было необходимо завоевать доверие читателей. Но цель сказания о дани полян хазарам^[64] дидактическая: показать, что беды, упавшие на голову полян, были отведены героическими варягами, дружба с которыми желательна и впредь. Эта позиция летописца настолько совпадала с политической платформой Изяслава и Святополка, что роль случайности минимальна.

Но если так, то в исследуемом тексте литература решительно превалирует над историей и буквальное следование летописной версии ведет к заблуждениям в истории и утрате смысла в

аспекте филологии.

Аналогичный вывод по поводу всей «Повести временных лет» был сделан Д.С.Лихачевым, охарактеризовавшим летопись как «динамику идей». Ее единство «определяется не авторской индивидуальностью, а действительностью, жизнью» и отражает в себе все жизненные противоречия (II, 49). Значит, летопись — литература исторического жанра, а не хроника, бесстрашно фиксирующая события, и не история — «поиск истины» или, более современно, — «исследование».

Этот общий и вполне убедительный вывод исследователя не только не снимает необходимости продолжать изучение отдельных новелл, но дает путь к их осмыслению и выверке на достоверность. Последнее важно не столько для филолога, сколько для историка, но ведь Каллиопа и Клио сестры; значит, они должны помогать друг другу.

notes

Примечания

Повесть временных лет. 1. Текст и перевод. II. Статьи и комментарии. М. — Л.: Изд. АН СССР, 1950 (далее ссылки приводятся в тексте).

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1962.

Gumilev L.N. New Data on the History of Khazars // *Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 19. Budapest, 1967. P. 61–103.

Гумилев Л.Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. Вып. IV. 1965. С. 128.

См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970. С. 84–86.

Гумилев Л. Памятники хазарской культуры в дельте Волги // Сообщения Гос. Эрмитажа. XXXVI. 1965. С. 49–50.

Гумилев Л.Н. Хазария и Каспий // Вестник ЛГУ. 1964. N 6. С. 83–95; Хазария и Терек // Вестник ЛГУ. 1964. N 24. С. 78–88.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 50.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 238.

Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. XVIII. 1953. С. 128–150.

Артамонов М.И. Указ. соч. С. 265.

Солодухо Ю.А. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. н. э. // Вестник древней истории. 1940. N 3–4. С. 131–145.

См.: Jeschurun. Berlin. Vol. XI. N 9/10. 1924. P. 113 et suiv. (цит по: Szysznian S. Ou la conversion du roi Khazar Bulan a-t-elle eu lieu? Dans: Hommages a Andre Dupont-Sommer. Paris, 1971).

См. Указанную работу Шишмана. С. 527.

Szysznar S. Le roi Bulan et le probleme de la conversion des Khazars // *Ephemerides Teologicae Lovanienses*. T. 33. Fasc. 1. Bruges, 1957. P. 68–76.

Needham J. Science and Civilization of China. III. Cambridge, 1959. P. 681–682.

Алексеев В.П. В поисках предков. М., 1972. С. 284 и сл. Ср. поправку интерпретации:
Гумилев Л.Н. Об антропологии для неантропологов // Природа. 1973. N 1. С. 112.

Ср.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 324–328.

Артамонов М.И. Указ. соч. С. 297.

Цит. по: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 366. Прим. 5.

История Византии. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 229. В связи с этим важно отметить, что о походе Олега в 907 г. византийские авторы не упоминают. А.А.Шахматов считал, что договора 907 г. не существовало. Опять фантастическая хронология! Разбор аргументов за и против сделал Д.С.Лихачев (см.: II, 262–263).

Эта дата подтверждается свидетельствами мусульманских авторов. См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 370.

М.И. Артамонов. История хазар, стр. 370.

См. свидетельство Масуди: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Изд. восточной литературы, 1963. С. 198–201.

Артамонов М.И. Указ. соч. С. 371–372.

Византийский временник. 1961. XX. С. 99.

Артамонов М.И. Указ. соч. С. 384.

Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 200.

Они названы «Аджам», т. е. немусульмане (см.: Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 199).

Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л.: Изд. ЛГУ, 1966. С. 249.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 145.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд. АН СССР, 1932. С. 83.-84.

Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 215.

Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 194–195.

П.К.Коковцов считает этот текст сочинением византийского еврея XII или XIII века и отказывает ему в достоверности (Коковцов П.К. Указ. соч. С. XXXII–XXXV). Того же мнения держатся Грегуар и С.Б.Шишман (Pr Gregoire. Les Gens de la Caverne, les Qaraites et les khazares // Le Flambeau. Vol. 35. N 5. Bruxelles, 1952. P. 477–485; S.Siyuman. Les Khazars problemes et controverses // Revue de l'Histoire des Religions. T. CLII. N 2. 1957. P. 198–199), а также Минорский (История Ширвана и Дербенда. С. 151). Однако, соглашаясь с тем, что автор документа не был современником царя Иосифа, приходится признать, что многие детали его письма подтвердились. См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 374.

Цит. по: Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 193.

Коковцов П.К. Указ. соч. С. 117–120.

К близким выводам пришел Н.Я.Половой в статье «К вопросу о первом походе Игоря против Византии» // Византийский временник. XVIII. 1961. С. 96–99.

Якубовский А.Ю. Ибн Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г.=943/4 г. // Византийский временник. XXIV. 1926. С. 63–92.

Неаутентичность источника не свидетельствует о ложности его содержания. Наоборот, чаще лгут очевидцы; у них для этого бывает больше поводов. См. мою книгу «Поиски вымышленного царства».

Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. XVII. 1953. С. 23–104. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. Е.Ч.Скржинской. М.: Изд. восточной литературы, 1960. С. 91.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Пер. Скржинской Е. Ч. Изд. восточной литературы, М., 1960. С. 91.

Неоднократно делались попытки сопоставить россомонов с исторически засвидетельствованными роксаланами. Е.Ч.Скржинская (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. С. 279–280) считает, что для этого оснований нет. Присоединяясь к ее мнению, хочу отметить, что: 1) латинская передача *rox* соответствует иранскому *raws* — блеск, а не *ross* (жена Александра Македонского Роксана именовалась у себя в Бактрии — Раушанак); 2) послы «кагана Рус» в Ингельгейме были опознаны как шведы, что указывает на их этническую близость к скандинавам, а не иранцам. Гипотеза, что каган Руси использовал бродячих викингов как дипломатов, — беспочвенна. Надо думать, что элементы этнического сходства скандинавов и русов Поднепровья в IX веке еще не стерлись, что и дало повод франкским баронам причислить русов к известным им скандинавам (о релятивности этнической диагностики см.: Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады Географического общества СССР. Вып. 3. 1967. С. 4).

См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 331–335.

Артамонов М.И. Указ. соч. С. 368. Прим. II. В Никоновской летописи указаны столкновения: с болгарами в 864 г., с полочанами в 865 г., с печенегами в 867 г.; у Татищева отмечен поход на кривичей в 869 году. При столь активной внешней политике столкновений с хазарами нет.

История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М.: Наука, 1966. С. 489, 492.

Коковцов П.К. Указ. соч. С. 123.

Эта трактовка событий отвечает на гиперкритику П.К.Коковцова: почему царь Иосиф не упомянул о своей победе над Хельгу, а ограничился замечанием, что он ведет с русами войну (С. XXXV)? Около 960 г. на Руси были уже другие порядки и другие вожди, а результаты побед Песаха отошли в забываемое прошлое, оказавшись эфемерным.

Босфорт К.Э. Мусульманские династии. М.: Наука, 1971. С. 127–128.

Тогда у русских появились сабли (см.: Кирпичникова А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.-Л.: Наука, 1966. С. 62 и 65), заимствованные от степных союзников.

М.И.Артамонов ошибочно полагал, что так стал называться Итиль, восстановленный после 965 г. (см.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 445; ср.: Гумилев Л. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль // Сообщения Гос. Эрмитажа. XXII. 1962. С, 56–58).

Большаков О.Г., Монгайт А.Л. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: Наука, 1971. С. 27–30.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарни. М.: Наука, 1966. С. 187.

Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза) // Народы Азии и Африки. 1966. N 4. С. 85–94; Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века // Вестник ЛГУ. 1966. 118. С. 81–90.

Гумилев Л.Н. Хазария и Терек // Вестник ЛГУ. 1964. N 24. С. 78–88; Где же тогда Семендер? // История СССР. 1969. N 3. С. 242–243 (реплика В.Б.Виноградову).

Потапенко А.И. Сколько лет донскому виноградарству? // Виноделие и виноградарство СССР. 1964. N 7. С. 38–39.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С. 176; Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 151.

См.: Гумилев Л.Н. Нужна ли география гуманитарам? // Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 92–100.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. С. 28.

Цит. по: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 383.

Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Учпедгиз, 1949. С. 496–498.

Артамонов М.И. Указ. соч. С. 374–375.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 93.

Д.С.Лихачев (II, 110) пишет, что сведение о покорении полян хазарами заимствовано Нестором у предшественников. Значит, в нем есть элементы истины, но переосмысление налицо.